
Раздел 3

МЕТОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.2

В. Томас-Прозорова

КРИЗИС ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются вопросы методологии исторического познания в произведениях французских историков и философов Досса, Фуко, Дерриды, Февра, Рикера и др. Анализируются их представления о роли архива в обществе и историческом познании, практиках работы с источником, которые составляют основу концепции национального достояния.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кризис исторического познания; исторический источник; архив; архивный документ; французские философы и историки XX в.

При знакомстве с французской литературой по архивоведению и другим дисциплинам, работающими с остатками прошлого, обращает на себя внимание понятие «национального достояния» (*patrimoine national*) [см.: 50/50..., с. 441, 445; Веденина, с. 132]. Объясним, почему применительно к Франции чаще используется именно термин «достояние», а не более привычное для российского читателя «культурное наследие».

Достояние, по Ожегову, это и «имущество, собственность», и «духовные ценности», без указания на их возраст и происхождение из прошлого. Тогда как наследие — это «явление духовной или материальной жизни, унаследованное от предшественников». Для изучаемой нами французской концепции характерно именно восприятие всего ныне существующего как потенциальной части «национального достояния». Например, экспертиза

ценности — это именно акт вывода малоинформативных документов из состава архивного достояния страны. Можно также привести пример из политики комплектования современных музеев, где многое приобретается на всякий случай, во избежание «ошибки с импрессионистами», основные шедевры которых оказались не во Франции.

Представляется, что термин «достояние» позволяет лучше отразить отнесение источника к национальному историческому наследию в момент его создания. Предложенный перевод термина предлагается в качестве рабочей гипотезы, которая может быть пересмотрена в результате рассмотрения методологических составляющих концепции отбора сохранения и использования исторических источников — концепции национального достояния.

Под «концепцией национального достояния» автор предлагает понимать совокупность научных и управленческих принципов, лежащих в основе государственной политики Франции в области архивного, музейного, библиотечного дела, а также памятников архитектуры и археологии. Важнейшей особенностью концепции является ее глобальный характер, позволяющий обосновывать методы выявления, защиты, использования, общие для всех видов исторических источников. Глобальная концепция национального достояния теоретически обосновывает и сама выполняет три функции национального достояния, которые сформировались последовательно: научную (XVII—XVIII вв.), политическую (конец XVIII—XIX в.) и идентификационную (XX в.).

Представление о концепции национального достояния было бы неполным без рассмотрения ее философских составляющих в историческом развитии. Эта концепция формировалась продолжительное время в сложных исторических условиях. Перипетии французской истории отразились в ней, как в зеркале, она испытала различные философские влияния.

На разных этапах развития учение о национальном достоянии испытало влияние таких феноменов, как концепция прав человека (особенно в период Просвещения и Великой революции) и кризис гуманитарного познания, и в частности исторического метарассказа (во 2-й половине XX в.). Философская составляющая концепции национального достояния (далее КНД) включает как обращенное ко всем учение о праве индивидуума на историческое достояние, так и предназначенную для профессиональных историков теорию исторической реконструкции.

Уточним сразу, что далеко не все из очень немногочисленных философских размышлений о национальном достоянии стали частью концепции, т. е. получили апробацию научного сообщества и специалистов, работающих с национальным достоянием, отражаются в постановке

исследовательских задач, проникают в отраслевое законодательство. Поскольку мы изучаем живую и действующую концепцию, мы ограничимся здесь рассмотрением только успешно работающих идей и принципов. Когда в конце XVIII — начале XIX в. закладывались основы КНД, деятельная, нацеленная на решение насущных вопросов своего времени философия эпохи Просвещения повлияла на нее.

Опыт Франции интересен потому, что именно в этой стране была впервые провозглашена концепция прав человека (не только гражданских, политических, экономических и социальных, но и права на информацию) и потому что необычайно богатое законодательство этой страны позволяет подробно проследить правовую регламентацию их реализации. Взаимодействие двух интересующих нас концепций — национального достояния и прав человека — имело одну важную особенность. Хотя принципы публичности важнейших коллекций были заложены при старом порядке, их применение в рамках просвещенного абсолютизма было доброй волей монарха, а не реализацией прав человека. Несмотря на то, что выделение из массы остатков прошлого отдельных объектов, важных для персональной и национальной самоидентификации, — очень давняя практика, сама КНД возникла позже концепции прав человека. Об этом свидетельствуют и основные законы Французской республики, ни в одном из которых до сих пор не упоминается национальное достояние, хотя законодатели традиционно интересуются вопросами его сохранения и доступности. Это молчание было нарушено только в середине XX в., во введении к французской Конституции 1946 г. и во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в связи с правами личности на образование и культуру. Понимание того, что нация как коллективный индивидуум имеет право на память и право обратиться к этой памяти, легло в основание государственной политики в отношении памятников истории и сбора ретроспективной информации. Особенность французской КНД состоит в том, что она как бы выросла из концепции прав человека и ее осуществления на практике. Нация — это государство, возникшее в период Французской революции, которое сформулировало свое право на память. Государство одного класса, возникшее в результате революции 1917 г. в России, также заявило свое право на овеществленную память империи, хранившуюся в ее музеях, библиотеках, архивах, частных собраниях ее граждан. В монографии Е. В. Старостина и Т. И. Хорхординой «Архивы и революция» [Старостин, Хорхордина], показано, что в осуществлении двумя господствующими группами во время двух революций этого права есть немало общего. Однако это только подчеркивает основное различие дальнейшей политики двух государств по сохранению культурного наследия.

Вмешательство французского государства в этой сфере традиционно было значительно слабей, чем российского. Это объясняется тем, что во Франции осуществление права нации на память ограничивалось во имя соблюдения прав отдельных личностей: например, священного права собственности, утвержденного статьей 17 Декларации прав человека и гражданина. Согласования прав большинства и прав индивидуума является лейтмотивом французских Конституций и закрепленных в них норм. Эта же дихотомия проявляется в правовой регламентации в отношении культурного наследия.

По сей день влияние концепции прав человека на КНД выражается в наличии определенной идеологии и политической функции национального достояния в демократическом государстве. Эти вопросы изучали многие авторы, но Ж.-М. Леньо в работе «Французская утопия: эссе о наследии» (1992) выделил два главных стимула современной политики по отношению к культурному наследию: во-первых, потребность власти в памятниках и славе, во-вторых, революционные обеты о возвращении достояния высших сословий народу для его просвещения. Не осуждая «потребности власти в памятниках и славе», Леньо пишет о деонтологических основах отбора исторических источников в эпоху, когда все способно стать «наследием». Он привлекает внимание читателей к феномену прагматической моральной санкции на включение объекта в состав «национального достояния». Эту санкцию автор называет «французским феноменом» и описывает следующими словами: «“Достояние” должно иметь самые различные алиби. Тот единственный факт, что оно есть необходимая связь между поколениями, не является достаточным основанием для его сохранения». Серьезным основанием для сохранения традиционно является воспитательное значение объекта и возможность использования его в просветительских целях. Леньо как архивист предлагает и другие критерии отбора. «Наследие, — пишет он, — плод отбора творений человека, это априори результат соглашения». Соглашение заключается на основании трех четких критериев: материальной, научной и коммуникативной ценности объекта. Причем эти критерии определены и применяются государственными служащими. Эта роль государства (гаранта соглашения о достоянии) закономерно вытекает для Леньо из всего хода французской истории. «Государство во Франции предшествовало нации и во многом даже создало ее, государству мы так же обязаны преклонением перед прошлым и определением кредо отношения к достоянию» [Leniaud, p. 3—7, 57].

Кроме обязательства сохранения общественно значимых памятников, влияние концепции прав человека на КНД выражается в том, что послед-

няя отрицает элитарный характер культуры и констатирует присвоение культурных благ определенным слоем общества. При старом порядке исключительное право на них принадлежало первому и второму сословиям, а в послереволюционный период — элитам. Требование возвращения всей нации, а именно рядовым гражданам, культурных богатств, которых их лишили, вытекает из сущности демократического режима и является его обязательством перед народом. Понятие «внутренней, символической реституции» — типичный продукт взаимодействия двух концепций, возникновение которого во Франции закономерно [Leniaud, p. 55]. Повторение требования «внутренней реституции» в философских и теоретических трудах и публицистике свидетельствует о неослабевающем влиянии концепции прав человека на КНД. Именно по выполнению этого обязательства реституции судят об успехах культурной политики конкретного правительства. Леньо считает, что эти две задачи почти решены, и задается вопросом о том, что же осталось сделать. Представляется, что в эпоху глобализации особенно важной будет идентификационная функция национального достояния, способствующая сохранению французской национально-государственной идентичности.

Приведем интересное свидетельство П. Нора о тесной связи республиканских идей с КНД в кризисные моменты истории. «Крушение, которое могло превратить нас в безутешных сирот прошлого, совпало к тому же с глубокими политическими преобразованиями общества со времени V Республики и резким изменением роли Франции в послевоенном мире... Из великой державы, какую всегда была Франция, она стала средней державой, и это превращение вместе с укреплением республиканской демократии значительно способствовало перестройке ее сознания и ее ретроспективного взгляда на свою великую историю. Таким образом, изменилась не только память общества... но и память самой нации» [Нора, с. 440—441].

Работы П. Нора поместили проблему исторической памяти в центр внимания всех прикладных и теоретических дисциплин, работавших с историческими источниками, и создали основу для продуктивного диалога между этими дисциплинами и философией истории. Такой диалог был просто необходим. Во-первых, потому что французское общество, «склонное путать роли свидетеля, эксперта, судьи и историка», переживало кризис имперского самосознания, породивший ностальгическую страсть к памятникам прошлого. Во-вторых, потому что гуманитарные науки также вошли в полосу кризиса, связанного с синтезом новой единой науки о человеке, и для историков стала необходимой рефлексия о методах

их работы. Подчеркнем, что с момента зарождения концепции во время Великой революции и до II половины XX в. формирование методологической части КНД шло независимо от развития философии и теории истории. Как написал Ф. Досс, «во Франции долгое время диалог между философией и историей оставался диалогом глухих, потому, что историки, гордые своим ремеслом, гораздо больше смотрели в сторону “братских” социальных наук, чем в сторону философии, вызывавшей только недоверие своей главенствующей позицией и полным отказом от проблем философии истории» [Dosse, p. 137].

Ситуация изменилась, когда кризис гуманитарного познания совпал с изменением отношения государства к памятникам прошлого. Леньо считает причиной этого изменения и глобализации понятия «национальное достояние» расширение числа входящих в него объектов вследствие изменений «среди посредников между обществом и достоянием, а значит, и изменения механизма апроприации». Этот кризис вызвал к жизни новые теории исторического процесса, и философы, наиболее полно ответившие на вопросы о природе человека, о цели исторического познания, об историческом времени и пределах исторического познания, стали властителями дум нескольких поколений историков. Теория исторической реконструкции является, на наш взгляд, важнейшей философской составляющей единой КНД. Прежде чем приступить к анализу взглядов властителей умов историков Франции (Мишеля Фуко, Жака Деррида и Поля Рикера) на историческую реконструкцию, сделаем последнее уточнение.

Французская историография весьма подробно проанализировала влияние на историческое развитие дисциплин и практик, работающих с источниками по французской истории, многих факторов, за исключением кризиса гуманитарного познания. Порожденные этим кризисом дискуссии еще не завершились, они еще не могут быть вписаны в историческую перспективу и заслуживают отдельного рассмотрения. Современное переходное состояние КНД вызвано во многом именно кризисом гуманитарного познания. Пути выхода из кризиса, которые находит французская гуманитарная наука, способны изменить судьбу национального достояния. Теория исторической реконструкции только формируется, ее постулаты еще не сложились в отдельную систему, и ясно лишь, что ее влияние на дальнейшее развития КНД очень значительно.

Источники, по которым изучались взгляды французских философов на теорию исторической реконструкции сложно сопоставить как в силу их типологического разнообразия (эссе, статьи, курсы лекций и публичные выступления), так и в силу того, что неизвестно, насколько философский диалог между Фуко, Деррида и Рикером состоялся при их жизни.

За исключением (до некоторой степени) Рикера, каждый из философов был самодостаточен и строил закрытые системы. Поэтому предметы исследования и примеры, на которых в этой статье решаются проблемы исторического познания, часто не сопоставимы. Мнения этих философов о задачах и методах исторической реконструкции очень отличались, реальный диалог ведется скорее между их последователями, но существует достаточный материал по их взглядам на конкретные проблемы исторической базы истории, характера исторических источников и роли, отведенной национальному достоянию в процессе познания прошлого.

Интересующие нас мыслители — постструктуралисты — Мишель Фуко (1926—1984) и Жак Деррида (1930—2004) — разрушают устоявшиеся схемы и если возводят здание новой методологии истории, то с нуля, не опираясь на сделанные предшественниками фундаментальные открытия.

Труды Мишеля Фуко не только стали неотъемлемой частью французской культуры, но и оказали большое влияние на теорию исторической реконструкции во Франции. Наделенный большим критическим талантом, Фуко выразил недовольство молодых исследователей несовершенством специальных исторических дисциплин и их стремление к новой, другой исторической науке. Фуко считал, что требуется не только иначе поставить многие вопросы, но и иначе искать ответы на них. В трудах Фуко содержатся как общие указания на методы исторической реконструкции, так и его собственные попытки реконструкции истории исторических представлений, истории психиатрии, истории современного государства и его дисциплинарных институтов, а также истории расизма. Интересующие нас вопросы рассмотрены в двух произведениях Фуко. Во-первых, в «Археологии знания», завершившей «археологический» период его изысканий, особенно в главе 3 «Археологическое описание». О проблемах исторической реконструкции он много говорил в курсе лекций «Необходимо защищать общество», прочитанном в Коллеж де Франс в 1976 г. и связывающем два различных периода в его творчестве [см.: Foucault, p.21]. В этом курсе особенно интересны три базовые лекции, состоявшиеся 7, 14 и 21 января, в которых решаются методологические вопросы.

Из работ Жака Дерриды для изучения проблем, связанных с национальным достоянием и работой историка, наиболее интересными являются его эссе «Архивные тягости», написанное в 1995 г., и его выступление в июне 2002 г. на вечере, посвященном десятилетию распространения закона об обязательном экземпляре на программы телерадиовещания.

Поль Рикер (1913—2005) почти полвека вел плодотворный диалог с историками. Прежде всего скажем об его прекрасной статье «Уязвимость

памяти» [Ricoeur, 1998, p. 17—31], посвященной взаимовлиянию истории и коллективной памяти, а точнее, проблемам формирования и функционирования коллективной памяти и массового исторического сознания, с одной стороны, и развития источниковой базы истории, с другой. Сам философ высказал мнение, что именно эта его статья в наибольшей степени связана с проблематикой статуса национального достояния, хотя этот текст и «не очень проработан». На наш взгляд, эта статья отражает понимание Рикером идеологической функции КНД. Критика Рикером постструктуралистских теорий исторической реконструкции нашла отражение в сборнике «Конфликт интерпретаций», опубликованном в 1969 г. О значении исторических источников в работе историка много написано в книге «Память, история, забвение», опубликованной в 2000 г. Эта работа разбита на три части, посвященные феноменологии памяти, эпистемологии истории и герменевтике исторических обстоятельств. Особенно интересен раздел второй главы, в котором Рикер пишет о документальных свидетельствах. Философ предлагает интересную рабочую гипотезу: соединить методику исследования и его объект [Ricoeur, 2000, p. 236], испытать присущий «объяснению/пониманию» тип мышления столкновением с историческими репрезентациями в историографии исторической науки. В этих работах П. Рикер выступает не только как оригинальный философ, но и как систематизатор существующих знаний, и как просветитель.

Постструктурализм и историческая герменевтика повлияли на различные элементы теории исторической реконструкции и КНД. Постструктурализм, сторонники которого сосредоточили свое внимание на системе «автор — источник», поставил вопрос об эпистемологической сущности и идентификационной функции национального достояния. Герменевтика более детально изучила систему «источник — историк», поставила вопрос о пределах интерпретации и реконструкции, а также о социальной функции исторического источника. Кроме указанных вопросов все упомянутые авторы также затрагивали в своих работах проблемы влияния дисциплин и практик, работающих с национальным достоянием, на формирование массового исторического сознания и национальной идентичности.

Что же думали интересовавшиеся методологией истории философы о значении исторических источников для изучения прошлого и о методах извлечения из него информации? Анализ аспектов позволяет выяснить, каким образом кризис гуманитарного познания вообще и исторического метарассказа в частности повлиял на отношение к национальному достоянию как к универсальному источнику познания прошлого.

О методологии истории Фуко пишет во многих работах. Подчеркнем, что Фуко не признавал ни превосходства науки вообще над ненаучными

видами знания, ни «методологического главенства философии над историей» [Канке, с. 99]. Философ имел свое собственное понимание задач исторической реконструкции. Современная история, порвавшая в лице «противоистории» с европоцентризмом [см.: Foucault, 1997, p. 69], осознавшая невозможность сведения исторического процесса к действиям великих людей, должна изучать глубинные длительные процессы, общие закономерности развития. История для Фуко, на наш взгляд, долго была историей самосознания человечества и его знаний о себе.

М. Фуко объединил знания в систему понятий, связанную с определенной манерой мыслить. Такую анонимную непрерывность знания, разрывы в которой отражают их развитие, пополнение системы мыслительных установок, философ назвал *дискурсом*. Дискурсивным образованием (представляется более верным использовать далее русское слово «образование», а не «формация») называется высказывание вместе с присущими ему принципами и закономерностями [см.: Фуко, 1996, с. 108, 116—117; БСЭ, с. 122]. Дискурс также является совокупностью высказываний, принадлежащих к одному дискурсивному образованию [см.: Канке, с. 101]. Для изучения дискурсивных образований и их изменений Фуко использует особый «археологический» метод. П. Рикер отмечает, что «археология Фуко не стремится воссоздать прошлое», а лишь заново описывает его в общих чертах. Он пытался «раскрыть связи между дискурсивными формациями и недискурсивными областями» (учреждениями, политическими и экономическими процессами) [Ricoeur, 2000, p. 162, 254]. «Его археология, — как пишет Канке, — определяет возможности сказанных вещей». Она указывает в данном случае «...на возможности сказанных вещей в конкретных изменяющихся исторических условиях». Археология Фуко, как верно заметил Канке, анализирует не идеи, не поведение людей, не их самих, а проблематизации в историческом поле, переход от одного этапа работы к другому. В целом, Фуко выделяет четыре таких этапа: позитивность (дискурсивное образование сложилось и начало развиваться); эпистемологизация (появление моделей, критики и проверки знания); научность (выработаны критерии аргументации); формализация (определены аксиомы и формальные правила построения дискурса). По мнению Канке, эвристическая сила модели роста знания, предложенной Фуко, столь велика, что позволяет «дать оценку любому знанию, научному и ненаучному, гуманитарному и негуманитарному. В этом качестве она, пожалуй, не имеет аналогов» [см.: Канке, с. 101, 104]. Например, предложенная Фуко триада (дискурсивная практика — знание — наука) точно отражает этапы формирования КНД во Франции [см.: Фуко, с. 118, 182]. Эта модель, безусловно интересная

для компаративных междисциплинарных исследований, все же не позволяет учесть все особенности такой сферы гуманитарного научного знания, какой является история и связанные с ней прикладные дисциплины и практики, работающие с историческими источниками.

Для понимания специфики кризиса гуманитарного познания во Франции очень показательным является мнение Фуко о характере исторических источников и вытекающих из этого сложностях работы с ними. В ранний период Фуко обращался в основном к истории XVI—XIX вв., а затем стал изучать также материалы Античности и Средневековья [см.: Канке, с. 98]. Поэтому неудивительно, что важнейшей проблемой исторической реконструкции для Фуко был вопрос о документе, поскольку «с тех пор как история получила статус науки, мы постоянно обращаемся к документам, исследуем их и так познаем себя». Он задается вопросами о правомерности позитивистской анкеты о надежности источника, задуманной с целью «исходя из сказанного документом, восстановить стоящее за ним прошлое, откуда он родом» [Фуко, с. 10]. Представляется, что Фуко упрощенно подошел к проблемам интерпретации, поскольку он не заметил, что каждый «муравейник словесных следов», оставленный человеком или учреждением, имеет и внутреннюю структуру, и внешние границы. Он отбросил понятие автора и фонда и счел, что учение о связи исторических источников между собой и их обусловленности историческим контекстом не более чем научно поверхностное упрощение связи между обозначающим и обозначенным, между словом и вещью. Однако Фуко понимал, что «должен существовать такой уровень... на котором произведение раскрывается во всем множестве своих составляющих, будь то используемая лексика, опыт, воображение, бессознательное автора или исторические условия, в которых он существует». Этот уровень действительно существует, но, на наш взгляд, он принадлежит не к философии истории, а к методу источниковедения, сложившемуся в источниковедческой школе Историко-архивного института. Французская типология исторических источников, изучающая лишь технику исследования и классификацию его объектов, на подобный методический уровень никогда не поднималась, поскольку долго опиралась на позитивистскую схему Ланглуа и Сень-обоса («отыскание документа — внешняя и внутренняя их критика — установление частных фактов — изложение истории на их основе») [Источниковедение, с. 49.]. Подобный подход, позволявший работать с отдельным произведением, не упорядочивая «муравейник словесных следов, которые человек оставляет после смерти», не удовлетворял Фуко. Его основная проблема была именно в неспособности преодолеть несовершенство позитивистской классификации и интерпретации источников гуманитарного познания.

Поскольку в силу своих личностных особенностей М. Фуко не был склонен ни к конкретным методическим разработкам, ни к «безличному подытоживанию документов» [см.: Фуко, с. 123], он, осознав некорректность позитивистского отношения к источникам, сделал пессимистические выводы о возможностях их изучения в «Археологии знания». В более поздней работе «Нужно защищать общество», он подверг сомнению необходимость тщательного изучения источниковой базы. Критикуя историков-позитивистов, Фуко называл их методику «горячей ленью», иронизировал по поводу этой «характерной привязанности любителей библиотек, документов, ссылок, покрытых пылью писаний, никогда не читанных текстов, книг, которые сразу после издания были поставлены на полки и починут там, до того, как несколько веков спустя их извлекут на свет». Все это, по мнению Фуко, подходит для исповедующих «чистое знание», «сорт умственной роскоши, богатства выскочек, внешними знаками которого являются постраничные сноски». Всех преданных этому кропотливому труду со времен Античности и Средневековья Фуко со свойственным ему полемическим задором называет «большой, нежной и теплосердечной франкмасонской ложей ненужной эрудиции». И с характерной для него гордыней тут же объявляет, что «не только любовь к подобному франкмасонству подтолкнула его делать то, чем он занимается» [см.: Foucault, p. 6]. Таким образом, в «Археологии знания» Фуко утверждал, что «документ более не довлеет истории». Он также отказался от источниковедческого подхода к документам с выраженным авторским началом, заявив, что «произведение не может быть исследовано ни как непосредственная, ни как определенная, ни как однородная общность». Результатом его методологических исканий стал отказ «от наиболее очевидного: концептов книги и произведения» [Фуко, с. 10, 24, 26]. Его отрицание значимости авторства выросло из осознания сложности взаимоотношений автора и общества, носителей научного знания и проповедников идеологии. Он считал, что, хотя идеология и «не исключает научности», отказ от изучения автора снимет некоторые искажения образа дискурса и позволит в изучении науки «выйти к другим формам закономерности и другим типам связи» [Фуко, с. 30, 185.; см. также: Источниковедение, с. 62]. Так своеобразно он выразил характерное для XX в. растворение авторского начала в социуме, возросшую обусловленность мнений автора различными «структурами». Эти структуры безотчетно для самого автора «предписывают ему... постулаты, оперативные схемы, языковые правила, совокупность фундаментальных положений и убеждений, образы или всю логику воображения» [Там же, с. 150]. В отличие от российского источниковедения, которое учло эту особенность

документов XX в. и выработало особые методы работы с ними, Фуко и его последователи распространили это свое наблюдение на документы всех эпох и просто отбросили многие из них, не желая решать столь сложные проблемы интерпретации. Например, при изучении дискурса никак не принимаются во внимание личностные особенности создателей тех или иных теорий и положений. Таким образом, источники по истории науки интерпретируются без учета конкретно-исторических условий их создания. Слишком абстрактный дискурс Фуко разворачивается вне исторического времени и вдали от конкретных обстоятельств, вызвавших к жизни его элементы, являясь неисторичным по своей сути и, следовательно, несостоятельным в качестве исторической реконструкции.

Фуко не только интересовался как философ работой историков, но и включил в свои труды элементы сравнительно-исторических исследований. Например, изучая историю исторической науки, Фуко совершенно верно заключил, что власть для создания суждений об истине организует через определенные учреждения практику исторического познания. Непонятно, почему для подтверждения этой гипотезы Фуко ограничился примерами из истории французского библиотечного и архивного дела исключительно эпохи старого порядка: создании в 1763 г. Хранилища хартий и, несколько ранее, юридической библиотеки [Foucault, p. 118—120]. Ведь связь между профессиональной историографией, массовым историческим сознанием и идеологией существует и в настоящее время. Презумпция изолированности и инертности исторического источника, которую отстаивал Фуко, обернулась в его трудах очень большой свободой интерпретации, доходящей порой до фальсификации. Например, в своей «Истории безумия» он очень неточно цитирует врачей, подчас искажая значение цитаты до противоположного. Другой пример: директор Высшей школы практических исследований и председатель семинара по сравнительной стратегии Эрве Кутто-Бегари не согласен с Фуко в том, что допустимо придавать идеям Клаузевица общеполитическое значение, как это сделано в курсе лекций «Необходимо защищать общество». В пылу этой дискуссии Кутто-Бегари написал, что М. Фуко — «ложный великий ум, а труды его скоро забудутся» [Entretien...]. Столь суровая оценка отнюдь не единична. П. Рикер считал, что многие историки не восприняли идеи Фуко, потому что он сознательно противостоял их «привычке» описывать длительные процессы, а теория «архива» (регистра дискурсивных образований) у него уступила место теории «археологии» (описания интердискурсивных изменений).

Очевидно, работы М. Фуко не могут считаться историческими, поскольку, как верно заметил Е. В. Старостин, «внутренней природе

исторического знания чужда идея его надысторичности» [Старостин, с. 3]. М. Фуко не выдержал именно того испытания, о котором писал П. Рикер: его методология и методика применительно к области его научных интересов не позволили ему получить серьезный результат.

Но основная заслуга М. Фуко не в исторических реконструкциях сомнительной достоверности, а в новаторской постановке вопросов на традиционном историческом материале, позволявшей ему выйти на более высокий уровень обобщения и значительно расширить источниковую базу исследований. Поставленные Фуко методологические вопросы (статус документа как исторического источника; проблемы классификации в гуманитарных науках; возможности отражения в историческом нарративе многовариантности исторического процесса) позволили его последователям — историкам — получать интересные результаты от сочетания нестандартных вопросов к документу с традиционной методикой работы с источником, отчего их исторические реконструкции не оставляют впечатления гнетущей предопределенности хода истории.

Фуко верно заметил, что наука несводима к сумме текстов и не стремится выразиться исключительно в текстах. Его интересовало не только сказанное и написанное, но и то, «что люди хотели сказать... в учреждениях, практиках, техниках, объектах, ими производимых» [Фуко, с. 119]. Почти отказавшись от единственной материальной базы гуманитарных исследований, которую принято называть документальной базой истории, Фуко нашел новую базу в методах структурализма, исследующего «относительно устойчивые совокупности отношений, системные свойства в культуре» [Источниковедение, с.114; см.: Канке, с. 110, 112.], но, к сожалению, не сумел доказать применимость этих методов для всей совокупности исторических исследований.

Представляется, что здесь Фуко выступил как идейный наследник «любителей древности» XVIII в. Его установка — мыслить независимо от письменных источников и установившихся мнений, — чрезвычайно близка к их принципам исторического исследования, явившимся своеобразной реакцией на зарождение источниковедческой критики. Возможно, что Фуко не случайно назвал свои изыскания «археологией», желая подчеркнуть их новаторский и беспристрастный характер. Он отрицал доисточниковое знание как априорное и сомневался в возможностях критики источников. В данном случае важно не то, что исследователь дискурсов сам был несвободен от традиции, а то, как своеобразно преломилась старейшая составляющая научной компоненты КНД в его методике.

Возможно, что сравнение отношения к письменным источникам М. Фуко с отношением к ним «любителей древности» покажется знатокам

его философии неглубоким, а указанные особенности его метода исторической реконструкции не вносят, на взгляд специалистов, ничего нового в понимание его творчества. Но интересно, что Фуко, как и «любители древности» занялся гуманитарными исследованиями, уже имея естественно-научное образование, и также не смог преодолеть сомнения в отношении не верифицируемой в порядке эксперимента информации письменных источников.

Не меньшим критическим, разрушительным по отношению к традиционной методологии истории потенциалом обладает философия деконструктивизма Жака Дерриды. Литературный и философский дар этого ниспровергателя учений и истин развивался под знаком сомнения, возможно потому, что Деррида, проживший до 18 лет в Алжире, пережил крушение колониальной империи и навсегда сохранил убеждение в хрупкости и многозначности окружающего мира — отношений, слов, вещей. В поисках сути Деррида «деконструирует» мировое целое, рассматривая вещи и слова как следы. Но философ предпочитает тексты — инварианты, содержащие всю полноту значений, — речи, которая слишком тесно связана с конкретной ситуацией, так же как он предпочитает следы событий самим событиям [Канке, с. 110, 112]. Для Ж. Деррида понятие «следа» прошлого является универсальным, если не безграничным, поскольку и люди, и вся живая природа оставляют следы. Переживания и воспоминания, никак не зафиксированные на материальном носителе, также являются для философа «следами». Таким образом, в поле внимания Ж. Дерриды попадает вся совокупность остатков прошлого. Архив — это частный случай следа прошлого, но «не всякий след есть архив, поскольку архив предполагает не только наличие следа, но и его присвоение, организацию... политический контроль над ним». Создание архивов — прерогатива власти [Derrida, p. 127]. В работе «Архивные тягости», исходя из того, что однокоренное с «археон» греческое слово «архе», обозначало также «начало» и «заповедь», Деррида утверждает нерасторжимую связь архива с политической властью [см.: Derrida, 1995]. Архив — не только «арсенал власти», но и сфера ее ответственности перед народом. Исходя из этого убеждения, Ж. Деррида вместе с П. Бурдьё, Р. Дебре и П. Нора подписал в 1992 г. открытое письмо с призывом распространить закон об обязательном экземпляре на телевизионные и радиопередачи. Выступая на вечере, посвященном десятилетию этого события, Деррида отметил, что благодаря этому закону и современным технологиям архивисты могут «записать всю жизнь страны». В других терминах, чем П. Нора, он подтвердил, что в современном мире, где прошлое является сверхценностью, все стало или имеет шанс стать «наследием».

Вместе с тем Деррида настаивает на политической функции национального достояния и на том, что отбор исторических источников на хранение есть разновидность цензуры. В беспристрастном осуществлении этого отбора философ видит одновременно суть и трагедию ремесла архивиста. Напомним, что глава архивной службы Ж. Фавье во введении к «Практическому архивоведению» 1993 г. писал без тени трагизма, что архивоведение стало «неточной наукой об отборе на уничтожение».

Деррида заметил, что методика отбора, очень развитая в архивном деле, заимствуется другими дисциплинами, работающими с историческими источниками. «Фильтрация архива — это ужасная вещь... — восклицает философ. — Потому что это касается не только документов, находящихся в публичной собственности, архивов телерадиовещания и официальных документов, это касается, например, произведений искусства... Какие-то из них попадут в музеи, какие-то исчезнут, о каких-то забудут. Бесталанные литературные произведения останутся и, можно предположить, что были гениальные литературные, живописные, кинематографические произведения, от которых по каким-то причинам не осталось архива или они были уничтожены». Философ призывает к тому, чтобы ответственные за отбор специалисты сохраняли сведения об отобранных на уничтожение свидетельствах [Derrida, p. 130]. Представляется, что это требование может служить методологическим обоснованием с о с т а в л е н и я и в и з и р о в а н и я а к т о в н а у н и ч т о ж е н и е.

И в этом контексте особенно велико эпистемологическое значение момента создания архива, для обозначения которого Ж. Деррида предложил специальный термин «archivation», в котором соединены «архив» и «осознанное действие». Под созданием архива Деррида понимает «работу по организации относительно долгого, как можно более долгого, сохранения в данных политических или юридических условиях некоторых, преднамеренно отобранных следов прошлого». Он настаивает на том, что работа архивиста и содержание архива не принадлежат прошлому, как это кажется на первый, поверхностный взгляд, а обращены к будущему и принадлежат ему [Ibid, p.128—129].

Удивительно, что деконструктивист Жак Деррида внес в теорию исторической реконструкции едва ли не больший вклад, чем создатель археологии знания Мишель Фуко. Даже если некоторые термины («следы прошлого») и положения («архивы-арсеналы власти»), к которым прибегал философ, принадлежат скорее XIX в., его размышления способствовали утверждению понятия об архивном документе как о результате осмысленной человеческой деятельности. Кроме того, дискуссии вокруг произведений Ж. Дерриды способствовали созданию консенсуса по поводу политической функции остатков прошлого.

Но основным вкладом его в теорию исторической реконструкции является понятие о «создании архива» как об активном и осмысленном действии. Изобретение этого термина в значительной степени компенсировало отсутствие во французской архивной лексике термина, адекватного российскому «фондообразователь», и стало отправной точкой многих интересных дискуссий.

Проблемы источниковой базы истории, характера исторических источников и их роли в процессе познания прошлого очень подробно разработаны в трудах П. Рикера. Он совершенно иначе, пусть и не так оригинально, видел задачи исторической реконструкции, ее методологию. В работе «Объективность и субъективность в истории» он определил задачу историка, смысл его работы как исследование всего связанного с сутью человека: «Это напоминание... звучит каждый раз, когда историк стремится уйти от своей исконной задачи и поддается ослеплению ложной объективности Истории, в которой остались только структуры, только силы, только учреждения и больше нет людей и человеческих ценностей» [цит. по: Dosse, p. 138]. Рикер разделял мнение Марка Блока о том, что история должна изучать «людей во времени» [Ricoeur, 2000. p. 214—215], поэтому неудивительно, что он не строил таких абстрактных схем, как структуралисты, и тщательно исследовал историю формирования учения о методах и задачах исторической реконструкции.

Из замечаний Рикера о развитии методики источниковедения, историю которого он хорошо знал, приведем только самые интересные. Этот протестантский мыслитель высоко ценил вклад церковных ученых старого порядка в развитие методики работы с источниками. Философ не соглашается с М. Блоком, назвавшим Сеньобоса и Ланглуа «позитивистами», и считает их скорее «методистами». Рикер называл представление Ланглуа и Сеньобоса о последовательных стадиях работы историка «методологической наивностью». Считая М. Блока «незаменимым теоретиком исторических свидетельств» [см.: Ibid, p. 225], Рикер упрекает его в недостаточном внимании к понятию «исторических остатков», упомянутых в связи с археологией и слишком быстро приравненных к письменным документам [см.: Ibid, p. 219]. Рассуждая так, Рикер, перенес на эпоху М. Блока современное нам представление о совокупности исторических источников, забыв, что во время написания «Апологии истории» круг национального достояния был значительно уже и расширился, в том числе благодаря этой работе.

Если Деррида воспринял кризис методологии истории как возможность словесной игры без правил, а Фуко воспользовался им, чтобы оправдать свое нежелание тщательно вникать в особенности работы историка,

то Рикер воспринял кризис, как призыв глубже ее изучить. Для Рикера исторические источники столь важны, что его рассуждения постоянно возвращаются к ним, только названным различными именами: свидетельства, записи, документы. Приведем два определения: «запись — закрепление устно выраженной речи на материальном носителе»; и «документ — сумма знаков и свидетельств» [см.: Ricœur, 2000, p. 183, 222]. Хотя Рикер постоянно подчеркивает разнообразие свидетельств прошлого, письменные источники по-прежнему занимают для него привилегированное положение. Не столько по причине их изобилия и сложившейся традиции их использования, сколько благодаря достаточно разработанной методике их изучения. «Письменность, — учит Рикер, — это, в сущности, единственный языковой барьер, который историческая наука всегда преодолевает, чтобы проследить сложные приключения создания архивов (archivation), объяснения и воссоздания прошлого» [см.: Ibid, p. 171]. Закономерно, что эпистемологическое значение датировки источника (а оно велико, поскольку речь идет об определении места конкретного продукта человеческой деятельности в эволюционном и коэксистенциальном целом) философ объясняет на примере архивных документов.

Интересны рассуждения П. Рикера о работе историка. Философ считал противопоставление объективного и субъективного в работе историка ложной проблемой. Как пишет Ф. Досс в статье «Момент Рикера», «практика исторической работы находится в постоянном напряжении между никогда не полной объективностью и методическим взглядом, который должен отречься от части самого себя, отделяя хорошую субъективность «я исследователя» от плохой субъективности «патетического я». Досс заключает, что для Рикера объективность историка есть коррелят его субъективности [Dosse, p. 138—139]. Поэтому особенно важна рефлексия историка о методах его работы. Этот взгляд на свою работу со стороны, обуславливающий «независимость истории от памяти, особенно ярко проявляется в эпистемологическом плане в момент понимания/объяснения» [Ricœur, 2000, p. 231].

В отличие от «методистов» Ланглуа и Сеньобоса, Рикер считал, что все стадии работы историка синхронны, разделение между изучением источника, его пониманием и объяснением через историческую реконструкцию идет на методологическом уровне. «Никто не обращается к архивам, — писал философ, — не имея замысла объяснения, без гипотезы понимания» [Ricœur, 2000, p.170]. Для Рикера момент встречи историка с источником очень важен, ибо только под испытующим взглядом исследователя остаток прошлого становится историческим источником: «если использованные документы и обретают значение доказательства, то только

потому, что историк приходит в архив с вопросом». В терминах «свидетель — свидетельство-репрезентация прошлого» Рикер писал об историковедческой триаде «автор — источник — историк». Особенности исторической интерпретации Рикер объяснял тем, что история не стала, — а мы знаем, что и не могла бы стать, — наукой «галилеевского типа». Вслед за К. Гинзбургом философ повторяет, что у истории, как и у психологии, парадигма свидетельства [Ibid, p. 211—212, 220—221, 225].

Напомним, что в отличие от М. Фуко, который, нелестно отозвавшись об архивистах, существования науки об архивах не заметил вовсе, Ж. Деррида, понимавший, сколь велика социальная ответственность архивистов, не смог смириться с необходимостью выборочного хранения, хотя и признал, что оно является сутью профессии.

П. Рикер не только воспринял архив как социальный феномен, но и оценил методологические достижения архивоведения. И если играющий в слова Ж. Деррида вложил в термин «создание архива» (archivation) оттенок политической цензуры, то систематизатор и популяризатор П. Рикер включил его в конструктивную, направленную на понимание, а не на отрицание философию герменевтики и сделал его актом самоидентификации индивидуума. Рикер считал создание архивов невозможным без исторического переосмысления пространства и времени. Причем это «переосмысление» происходит в сознании фондообразователя, задолго до встречи историка с документом. Для П. Рикера очевидно, что документ является потенциальным историческим источником с момента создания: «инициатива физических или юридических лиц, стремящихся сохранить следы своей деятельности, кладет начало сотворению истории» [см.: Ibid, p. 183, 212]. Рикер считал, что архивоведение затем лишь организует интеллектуально и материально «выбранный» фондообразователем фонд, усиливает его исторический характер, но оно вступает в свои права только когда этот ключевой выбор, — быть или не быть архиву, — уже сделан его создателем. Парадоксально, что философ Рикер пошел значительно дальше большинства французских архивистов, не видящих особенных оснований для вмешательства в делопроизводство. Возможно, Рикеру этот переход дался легче, потому что он долго жил и преподавал в США и, безусловно, знал, как организована работа в архивах американских университетов.

Рассмотрим, как Рикер представлял себе создание исторических реконструкций. Возможно, это сравнение окажется не вполне корректным, так как П. Рикер, в отличие от М. Фуко, не вторгался в область собственно исторических исследований, всегда оставаясь только методологом.

Основное отличие требований, предъявленных П. Рикером к интерпретации исторических источников и к репрезентациям прошлого, заклю-

чается в необходимости изучения источника в контексте. В отличие от Фуко, Рикер уловил, что исторический источник не возникает и не существует изолированно, он с самого начала тесно связан с другими источниками, возникшими в данной ситуации, а эта совокупность источников связана, в свою очередь, с контекстом их возникновения, с историческими обстоятельствами, обусловившими их появление. В работе «Память, история, забвение» дано оригинальное философское обоснование принципа «уважения к фонду». Именно ему и служат учения Рикера об особенностях исторического времени и пространства. Если его учение об историческом времени вполне традиционно, то следует особо сказать о его предложении ввести адекватное «третьему времени» истории понятие «третьего пространства» воспоминаний о местах, где произошло что-либо важное. Эти понятия, имеющие общую диалектику и адекватные современным представлениям об исторической реконструкции, позволяют Рикеру, например, рассматривать архитектурный ансамбль города как совокупность исторических источников. Приведем большую, но очень интересную цитату: «Город можно одновременно рассматривать и читать. Рассказанное время и обжитое пространство связаны здесь теснее, чем в отдельном здании. Город также вызывает более сложные чувства, чем дом, поскольку он дает возможность перемещаться, удаляясь и приближаясь. В городе мы можем почувствовать себя заблудившимися и потерянными, тогда как его заполненные людьми пространства и удачно названные площади будут приглашать нас на юбилейные торжества и ритуальные собрания» [Ibid, p. 186—187, 189—191].

По мнению Рикера, современный профессиональный историк должен работать со всей совокупностью остатков прошлого, поскольку «критика, достойная этого названия, появилась только при столкновении свидетельства письменных источников со свидетельствами других следов прошлого, таких как руины и обломки» [см.: Ibid, p. 216]. Рикер настаивал на существовании исследовательских приемов, применимых ко всей совокупности национального достояния, что подтверждает необходимость существования единой КНД. На наш взгляд, «эпистемология исторической работы», о которой так много пишет Рикер, и есть методологическая составляющая КНД. «Архивоведению, — считает философ, — эпистемология работы историка обязана описанием признаков, фундаментально отличающих архивный документ от основанного на молве устного свидетельства» [см.: Ibid, p. 211].

Поль Рикер не только оценивает по достоинству самые различные, даже такие далекие от его собственных взглядов, как «археология» Мишеля Фуко, методологии истории, но и помещает их синтез в контекст

современной исторической и философской мысли. Труды П. Рикера и следующих за ним историков приблизили французскую историческую науку к современному пониманию исторического источника, задач источниковедческой интерпретации и исторической реконструкции.

Подчеркнем, что Рикер настаивает на решающем значении методологических разработок архивистов для развития всей исторической науки. Изучение работ этого серьезного методолога позволяет сделать вывод об определяющем вкладе архивоведения в развитие методологии работы с национальным достоянием во Франции.

Кризис исторического метарассказа явно обозначился во второй половине XX в. и совпал с последним этапом в формировании глобальной КНД. На концепцию повлияли в основном методологические построения французских философов, созданные в поисках преодоления кризиса, в которых затрагивались проблемы исторической реконструкции. Поскольку встреча французской философии и истории произошла только в момент преодоления кризиса, формирующаяся теория исторической реконструкции как бы повторила в очень короткое время эволюцию дисциплин, входящих в КНД. Например, методология Фуко явилась идейным продолжением работ «любителей древностей» XVIII в., Ж. Деррида дал философский ответ на вопросы, стоявшие перед историками XIX в., но только П. Рикер сумел, изучая удаchi и ошибки других методологов, синтезировать научно актуальную методологию исторической реконструкции.

Анализ взглядов современных французских философов на теорию исторической реконструкции и их размышления о значении национального для познания прошлого позволяет определить «национальное достояние» как совокупность исторических источников. При изучении понятия «национальное достояние» мы уже обратили внимание на то, что и философы, и историки очень часто определяют его, исходя из практики: объекты — остатки прошлого, важные для самоидентификации личности; объекты, через которые народ приобщается к своему прошлому. Это могут быть как созданные человеком, так и природные феномены [см.: Dominiq]. Причем последние, как правило, хоть и возникли вне человеческой деятельности и независимо от нее, были изменены человеком и, следовательно, являются «следами, оставленными на очеловеченной земле упорным трудом многих поколений» [Февр, 1991, с. 12], и представляют ценность именно по этой причине. Показательно, что таким же эмпирическим путем, через перечисление, определяется во французском архивоведении состав государственных архивов, хотя для их выявления существуют четкие юридические критерии. Сравним определение исто-

рического источника, данное школой источниковедения ИАИ, с определением «исторического достояния», данным Ф. Шоэ: «Историческое достояние... Это выражение обозначает фонд, образованный постоянным накоплением различных объектов, объединенных своей принадлежностью к прошлому: произведений и шедевров изящных и прикладных искусств, сооружений и изделий, отражающих все людские знания и умения. Этот фонд принадлежит всему человеческому сообществу» [Choay, p. 9]. Если искать понятие, аналогичное «национальному достоянию» в российской исторической науке, то кажется правомерным предложить «совокупность исторических источников». Свидетельства о человеческой деятельности — общий объект французской КНД и новой российской гуманитарной науки. Напомним идентичность триад «автор — источник — историк» и «свидетель — свидетельство — репрезентация прошлого». Сходство определений не случайно: обе методологические схемы претендуют дать новой единой науке о человеке и человечестве целостную совокупность источников. Кроме того, важнейший период формирования обеих концепций гуманитарного знания пришелся на период отторжения исторической наукой позитивистского сциентизма.

Различие заключается в том, что российская историческая наука выстроила теорию источниковедения как основного метода нового гуманитарного познания и учение об историческом источнике как об общем объекте гуманитарных наук и базе создания глобальной истории, а неокантианская методология «вопрос о реальном объекте исследования оставила открытым» [см.: Источниковедение, с. 3]. На этот вопрос во Франции ответила практика управления культурой. Вспоминается интересное мнение одного из сотрудников Управления архивов Франции, что «практика безо всякой теории — это очень по-французски». Практика защиты и изучения национального достояния работает со всеми остатками прошлого, рассматривая их как источники глобальной истории. Именно из ее осмысления выросла КНД, своеобразно ответившая на вопрос об объекте гуманитарных исследований, составе источников глобальной истории и методах работы с ними для франкоговорящей цивилизации.

Благодаря дискуссии, которую открыли Фуко, Деррида и Рикер, значение национального достояния как универсального источника знаний о прошлом было подтверждено. Изучение теории исторической реконструкции в работах Фуко, Дерриды и Рикера позволяет заключить, что наука об архивах внесла решающий вклад в методологию работы с историческими остатками, предложив методы реконструкции и анализа, применимые ко всему комплексу национального достояния.

- 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1981.
Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1969—1978. Т. 28 [Фуко Мишель Поль].
Веденина Л. Г. Франция : лингвострановедческий словарь. М., 1997.
Источниковедение: теория, история, метод; источники российской истории М., 1998.
Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000.
Нора П. Память, история // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1981.
Старостин Е. В. Методологические основы архивоведческого знания. М., 2001.
Старостин Е. В., Хорхордина Т. И. Архивы и революция. М. 2007.
Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
Фуко М. Археология знания : пер. с фр.; под общ. ред. Б. Левченко. Киев, 1996.
Choay F. L'allégorie du patrimoine. P. : Seuil, 1992.
Derrida J. Mal d'archives: une impression freudienne. P. : Galilée, 1995.
Derrida J. Trace et archive, image et art : sténogramme d'une conférence donnée à L'INA le 25 juillet 2002.
Dominique Au. La notion et la protection du patrimoine. P., 1997.
Dosse F. Le moment Ricoeur // Vingtième siècle. 2001. № 69. Janvier-mars.
Entretien avec Hervé Couteau-Bégare, directeur d'études à l'École pratique de Hautes études et président de Stratégie Comparée // Dossier Clausewitz. URL: <http://www.paru.com> (дата обращения: апрель 1999).
Foucault Michel. Il faut défendre la société : cours au Collège de France 1976. P., 1997.
Leniaud Jean-Michel. L'utopie française : essai sur le patrimoine. P., 1992.
Ricoeur P. Vulnérabilité de la mémoire // Patrimoine et passions indéniables. P., 1998.
Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. Seuil, 2000.

УДК 94(37).08

А. С. Козлов

ЛОГИКА И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В ORIGO CONSTANTINI IMPERATORIS

Исследуются особенности композиции анонимного жизнеописания Константина Великого как позднеантичной исторической биографии, логика презентации образа Константина как образцового императора, подчиненность структуры этого документа как позднеантичной биографии идейно-политической цели источника.

К л ю ч е в ы е с л о в а : источники; историческая биография; Origo Constantini imperatoris; Anonymus Valesianus.